

Литературный образ бабушки в контексте тюркских традиций

Элеонора Ф. Шафранская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Нурсулу Ж. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Гульчира Т. Гарипова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируется литературный образ бабушки, созданный тувинским писателем С. Сарыг-оолом, татарским — А. Еники, киргизским — Ч. Айтматовым, узбекским — Т. Пулатовым. Теоретической основой анализа выступили идеи архетипа старухи К. Юнга и образа бабушки В. Я. Проппа, опосредованно отраженных в литературном творчестве писателей тюркоязычного ареала.

Образ бабушки как «арматура» картины мира (по Е. Мелетинскому) развит в тех культурах, которые до XX в. включительно сохранили «решетку» патриархального устройства мира, его традиций. Литература в границах тюркоязычной культуры выразительно отражает этот аспект жизни в образе бабушки, формирующей мировоззрение своих внуков. Интенция образа бабушки сопряжена с сохранением истории рода, семьи, народных традиций.

В «Повести о светлом мальчике» С. Сарыг-оола бабушка — «энциклопедия» для мальчика Ангыра; в повести «Невысказанное завещание» А. Еники бабушка — мост между прошлым и настоящим; в повести «Материнское поле» Ч. Айтматова бабушка — дарительница жизни, для ее продолжения поднимающаяся над личным во имя сохранения памяти народа; в повести «Хор мальчиков» Т. Пулатова бабушка, сродни тувинской бабушке Сарыг-оола, формирует личность внука Душана.

Сравнительно-сопоставительный анализ четырех художественных произведений показывает общность ментальных ценностей в тюркоязычном мире, несмотря на разность религиозных верований, географического пространства. В этих произведениях затрагиваются не только конкретно-исторический, но и универсальный пласт человеческого бытия — вопросы жизни и смерти, нравственного выбора, связи поколений, что позволяет говорить об их экзистенциальной наполненности. Проблематика произведений выходит за рамки локального и сиюминутного, формируя устойчивую модель этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: тюркский мир; образ бабушки; культура детства; тувинская литература; татарская литература; узбекская литература; киргизская литература

Исследование выполнено в рамках проекта № 050119-0-000 (внутренний грант для инициативных тем фундаментальных НИР филологического факультета РУДН) реализованного на базе УОП (учебно-образовательного подразделения) «Кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН».

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Шаймерденова Н. Ж., Гарипова Г. Т. Литературный образ бабушки в контексте тюркских традиций // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.4>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор Института русского языка Российской академии наук. Адрес: Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российской академии наук. Адрес: Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

The literary image of the grandmother in the context of Turkic traditions

Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Russian Federation,

Nursulu Zh. Shaimerdenova

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Gulchira T. Garipova

RUDN University, Russian Federation

The article analyzes the literary image of the grandmother created by the Tuvan writer S. Saryg-ool, the Tatar writer A. Eniki, the Kyrgyz writer Ch. Aitmatov, and the Uzbek writer T. Pulatov. The theoretical basis of the analysis is provided by C. G. Jung's concept of the crone archetype and V. Ya. Propp's concept of the grandmother figure, which are indirectly reflected in the literary works of authors from the Turkic-speaking area.

The image of the grandmother as the "framework" of the worldview (in E. Meletinskii's terms) has developed in those cultures which, up to and including the twentieth century, preserved the "grid" of a patriarchal world order and its traditions. Literature within the Turkic cultural sphere vividly reflects this aspect of life in the image of the grandmother, who shapes the worldview of her grandchildren. The intentionality of the grandmother figure is linked to the preservation of the history of the clan and family and of folk traditions.

In S. Saryg-ool's novella "The Story of the Bright Boy" the grandmother is an "encyclopedia" for the boy Angyr; in A. Eniki's novella "The Unspoken Will" the grandmother serves as a bridge between the past and the present; in Ch. Aitmatov's novella "Mother's Field" the grandmother is a giver of life who rises above the personal for the sake of preserving the memory of the people; in T. Pulatov's novella "The Boys' Choir" the grandmother, akin to Saryg-ool's Tuvan grandmother, shapes the personality of her grandson Dushan.

A comparative analysis of the four literary works reveals a shared set of mental values in the Turkic-speaking world, despite differences in religious beliefs and geographical space. These works address not only concrete-historical realities but also a universal layer of human existence: questions of life and death, moral choice, and intergenerational ties, which allows us to speak of their existential fullness. The problems raised in these texts go beyond the local and the momentary, forming a stable model of ethnocultural identity.

Keywords: Turkic world; image of the grandmother; culture of childhood; Tuvan literature; Tatar literature; Uzbek literature; Kyrgyz literature

Funding:

The study was carried out as part of project no. 050119-0-000 (an internal grant for exploratory fundamental research projects of the Faculty of Philology of RUDN University), implemented at the educational and academic unit "Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University."

For citation:

Shafranskaya E. F., Shaimerdenova N. Zh. and Garipova G. T. The literary image of the grandmother in the context of Turkic traditions. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 47–62 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.4>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Director, Research Institute of Turkology and Altaistics, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2830-8336

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570

Введение

Детство — не просто этап биографии, это стадия инициации, связанная с приобщением к сакральному знанию, тайнам природы, памяти рода. В этом процессе велика роль бабушки. На этой семейной роли литература останавливает свое пристальное внимание только с 1960-х гг. «Старики и дети оказываются не просто темой литературы, — пишут М. Эпштейн и Е. Юкина, — они определяют самый тип литературного творчества, которое приближается к мифическому. <...> Старик и дитя более растворены в жизни всем своим душевным составом: один еще не выделился из нее, другой уже готовится быть поглощенным ею. Для ребенка мир невыводим за пределы фантазии, для старика почти весь введен в пределы памяти...» (Эпштейн, Юкина, 1981: 238).

Этим мотивирована *цель статьи* — выявить функциональную роль образа бабушки (персонажа «бабушка») в формировании картины мира ребенка у ряда тюркоязычных народов (тувинцев, башкир, киргизов, узбеков), удаленных друг от друга географически, но родственных по языковой группе, при этом найти объединяющие черты. Задачи: проанализировать образы тувинской, башкирской, киргизской бабушек, а также образ бабушки узбекского мальчика (у которого бабушка — не узбечка); рассмотреть специфику авторской репрезентации архетипических составляющих образа бабушки, уровень их конгениальности с этнокультурной традицией различных тюркоязычных народов.

Объектом исследования выступают взаимоотношения бабушек и внуков (так как статус бабушки проявляется/реализуется именно во взаимоотношениях с внуками, в других социальных ролях «бабушка» не бабушка, а чья-то мать, жена, сестра, золовка и проч.). Предмет исследования — поэтика образа бабушки, т. е. анализ образа — как, какими приемами и средствами он создан. «Целью поэтики, — как пишет М. Л. Гаспаров, — является выделение и систематизация элементов текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения»¹. Поэтика (от греческого глагола *ποιέω* 'делать, творить, сочинять') изучает образы, жанры, мотивы, сюжеты, композиционные приемы и проч. «Понятия поэтики — инструмент такого анализа, — считает Н. Д. Тамарченко, — без которого "служба понимания" едва ли осуществима. Каждое понятие необходимо для того, чтобы выделить определенную форму, сравнить различные тексты, в которых она присутствует, и определить ее *инвариантное* значение»².

Теоретико-методологическая основа статьи заключена в трудах филологов, антропологов, мифологов, связанных с поэтикой художественного образа и субъектной организацией текста (Бахтин, 1979, 2000; Гинзбург, 1979, 1999; Корман, 1981; Лотман, 1970, 1994; Мелетинский, 1976; Тюпа, 2021; Шмид, 2008; Юнг, 1991, 1997); труды, в которых содержится изучение мифологического архетипа матери и бабушки, а также оберегательных мифологических практик (Биркхойзер-Оэри, 2010; Пропп, 2000; Фрэзер, 1985, 1986); исследования тувиноведов, посвященные разным областям жизни тувинцев: быту, семейным отношениям, тувинской литературе (Ламажаа, 2021; Москаленко, 2018; Потапов, 1969; Хадаханэ, 1968).

В современной повседневности, связанной с культурой детства, присутствует значимый в воспитании ребенка паттерн³ о бабушке — носительнице традиции. Однако в художественном дискурсе он отнюдь не повсеместен. Исследовательница Е. И. Шевчугова пишет, что образ бабушки в русской литературе «почти не оказывается в фокусе внимания литературоведов», его лишь «включают в описание семьи героя», указывая на наличие прототипа (Шевчугова, 2018: 31), и останавливается на произведениях И. Гончарова, М. Горького и В. Астафьева, образе бабушки в них. По сути, этот ряд классиков присутствует почти во всех современных работах, посвященных образу бабушки (Саломатина, 2016: 35; Макрушина, 2016; Нежданый, как ... , 2020: 58; Гапонова, Никкарева, 2022: 143; Сергеева, Ткаченко, 2022: 108; Побережная, Тихонова, 2024: 113). В современном литературном

¹ Гаспаров М. Л. Поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. Стб. 786–787.

² Тамарченко Н. Д. Поэтика // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 183.

³ Паттерн — «это одно из слагаемых мифологического, фольклорного, литературного повествования <...> Применительно к контексту нашей статьи, паттерн — это строительная единица мифа. Если миф — это, по сути, растиражированный нарратив, то паттерн — один из «кирпичей» этого построения» (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024: 63).

процессе наиболее часто образ бабушки встречается в литературе для детей и подростков, вот в этом кластере научных исследований делаются, с одной стороны, весьма интересные наблюдения, например, «маргинализация» старости, бабушки предстают «уходящей натурой, динозаврами, существами из другой жизни» (Савкина, 2011: 121), с другой — повторяется бессменный паттерн: бабушка — продолжатель традиций (см.: Саломатина, 2016: 35; Гапонова, Никкарева, 2022: 142; Сергеева, Ткаченко, 2022: 108; Воробец, Лобкова, 2025: 66).

В научном дискурсе о «бабушке» обнаруживаются и неожиданные наблюдения: исследования с претензией на академичность, но, по сути, с отсутствием оной, содержащие, скорее, начетнические умозаключения. Например, С. З. Мамирова пишет: понятие «бабушка» есть во всех культурах, и только в русской культуре «оно наполнено особым смыслом. *Только русские бабушки самые внимательные, добрые и мудрые*»¹ (курсив наш. — Авт.). За отсутствием задачи анализировать подобные тексты, отметим ненаучный подход к этой проблеме, к сожалению, весьма распространенный, т. к. он тиражируется начиная со среднего образования. Носители подобных «концепций» выдают желаемое за действительное — достаточно углубиться в классический труд В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», чтобы констатировать ложность этого суждения: у Проппа бабушкой названа «типичная яга», «старушка», «бабушка-задворенка» (Пропп, 2000: 36). В статье Л. Б. Аль Хатиба, с опорой на коннотации бабушки и дедушки (в английском, русском, французском языках), автор приходит к выводу: понятие бабушка в трех разных культурах сопряжено с непохожими концептами (Аль Хатиб, 2017: 164).

Эти и традиционные, и радикальные предпосылки говорят об актуальности предлагаемого исследования. Согласно аналитическому наблюдению М. Эпштейна и его соавтора, образ бабушки становится акцентированным в многонациональной советской литературе начиная с рубежа 1950–1960-х гг. (Эпштейн, Юкина, 1981: 237), особенно это заметно в литературе тюркоязычных культур, сохраняющих патриархальные традиции на протяжении XX в. Важно отметить: появились компаративные исследования о русской бабушке и итальянской (Сергеева, Ткаченко, 2022), русской, шведской и французской бабушках (Побережная, Тихонова, 2024), однако работы о бабушке тюркоязычных народов в русскоязычном секторе литературоведческих исследований встретить затруднительно. Отметим общность у ряда тюркских народов в номинации бабушки с семантикой прародительницы, старшей в роду, то есть в структуре онима *бабушка* у тюркских народов присутствуют значения, дополняющие и коррелирующие родовую семантику материнства: «большая мать», «старшая мать», например, у татар соответственно — *дәү әни, карт әни*; у тувинцев — *кырган-авай*; у киргизов — *чоң энеме* и др. В тувинской повести С. Сарыг-оола внук обращается к бабушке *кырган-авай*, то есть «старая / старенькая мама».

Научная новизна статьи определяется аналитикой образа бабушки (его поэтики), выполненной в сравнительно-сопоставительном ракурсе традиций тюркоязычных народов. Впервые предпринята попытка осмысления этих образов не как фольклорно-бытовых, а как концептуальных структур.

Источники исследования — это созданные в 1960–1980-х гг. русскоязычные тексты (повести «Материнское поле»² киргизского писателя Ч. Айтматова и «Хор мальчиков»³ узбекского писателя Т. Пулатова) и переводные (повесть «Аңгыр-оолдуң тоожузу», в русском переводе с тувинского — «Повесть о светлом мальчике»⁴ писателя С. А. Сарыг-оола; повесть «Әйтелмәгән васыять», в русском переводе с татарского — «Невысказанное завещание»⁵ писателя А. Еники⁶). Обращение к переводным текстам позволяет рассмотреть единые типологические корреляты нарративной репрезентации персонажа «бабушка» в парадигме языковой интерпретации (на русском языке). Подобное компара-

¹ Мамирова С. З. Образ бабушки в художественных произведениях [Электронный ресурс] // Сайт «XXI Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся "Старт в науке"». 2025. URL: <https://school-science.ru/21/10/56808> (дата обращения: 01.01.2026).

² Айтматов Ч. Т. Материнское поле // Айтматов Ч. Т. Повести. М.: Правда, 1979. С. 123–214.

³ Пулатов Т. И. Хор мальчиков // Пулатов Т. И. Собр. соч.: в 3 т. М.: Современный писатель, 1996. Т. 2. С. 3–100.

⁴ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М. Ганиной. М.: Современник, 1986.

⁵ Еники А. Невысказанное завещание. Рассказы, повести / пер. с тат. Х. Хусаиновой. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017. С. 86–122.

⁶ А. Еники — татарский писатель, повествующий в «Невысказанном завещании» о башкирах, соответственно, в статье рассматривается образ башкирской бабушки.

тивное исследование выявит художественные смысловые константы образа бабушки, не требуя анализа лингвистической этносемантики лексемы «бабушка». Статья не предполагает исследовательского ракурса, связанного с теорией и практикой художественного перевода. Аналитика переводного текста не ведет к ложной экстраполяции, т. к. мы не затрагиваем собственно лингвоконцепты, кроме контекстуального онима *бабушка*, а фокусируемся на семантических составляющих образа.

Повесть о светлом мальчике

Автобиографическая «Повесть о светлом мальчике»¹ С. Сарыг-оола² (1962) написана в парадигме социалистического реализма: подросток, оказавшись сиротой, вынужден скитаться в роли батрака, однако с приходом советской власти к нему приходит осознание его несправедливой участи, и на глазах читателя он превращается в активного борца за переустройство мира. Несмотря на неактуальный ныне метод «соцреализма», надо отметить, что повесть Сарыг-оола ценна богатой информацией о быте, нравах, обычаях, фольклоре тувинцев первой половины XX в. Писатель отнюдь не создает презентацию жизни тувинцев для читателя-нетувинца — он пишет текст на своем родном тувинском языке, никак не экзотизируя исторический и этнографический материал, лежащий в основе повести, — что ценно для рецепции повести в XXI в.

Уже сделан разносторонний анализ этой повести известным литературным критиком М. А. Хадаханэ (Хадаханэ, 1968), которая упомянула и бабушку главного героя. Эта повесть, ставшая объектом диссертации Е. Т. Чамзырын³, названа воплощением «всего национального быта» Тувы⁴.

Тем не менее считаем нужным более подробно остановиться на роли бабушки в формировании героя.

Когда герой «Повести о светлом мальчике», шестилетний Ангыр, оказывается в лесу в поисках мальчишек, зовет их, пытается догнать, его сопровождает эхо, бьют ветки по лицу — все это выливается в страх и обморок. Придя в себя, Ангыр бежит домой и сообщает, что за ним гнались черти. Серьезно воспринимает это сообщение только бабушка, которая начинает выполнять оберегательный ритуал: берет в руки плетъ с красной ручкой, нож с желтой рукояткой — якобы черти боятся таких предметов.

«Тьфу, тьфу!.. — Бабушка сплевывала, бросая в дверь одной рукой золу, другой песок. После этого закрыла внутренние створки дверей. — Что вы рты разинули! Зажигайте светильники на аптаре⁵!»⁶

В юрте висят войлочные фигурки красно-желтой расцветки — тоже от чертей (это не детская забава, а сакральный антураж бабушки, используемый в ритуальных оберегательных практиках). При этом она называет внука «собачкой». На вопрос Ангыра, почему собачка, бабушка объясняет: чтобы обмануть чертей, которые боятся собак.

У многих народов, архаические практики которых дожили до новейшего времени, по словам Д. Фрэзера, смысл подобных действий-обманов связан с желанием скрыться от духа смерти, «вызвать его отвращение и отогнать его от себя» (Фрэзер, 1985: 381) или же «сделать себя неузнаваемым» для него (там же: 428). В подобных действиях Фрэзер усматривает «желание обмануть или отвратить от себя грозный дух умершего» (там же: 429), именно таково действие бабушки Ангыра, называющей внука «собачкой», — оберегательное.

Бабушка выполняет миссию: выступает проводником внука в неведомый ему мир. Это не пресловутое «рассказывание сказок на ночь» бабушкой, это ответственное, как она предполагает, посвящение мальчика в хитросплетения жизни. Вначале бабушка объясняет каждому из внуков его астрологический знак, по сути, растолковывая азы тотемических верований. Потом почти каждый

¹ В исследованиях тувиноязычных авторов повесть называется по-разному, вариативно: «Воспоминания Ангыр-оола» (Хадаханэ, 1968: 96), «Повествование об Ангыр-ооле» (Очур, 2008: 5).

² Степан Агбанович Сарыг-оол (1908–1983) — народный писатель Тувинской АССР.

³ Чамзырын Е. Т. Этнопоэтические особенности тувинской детской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ *Аптара* — сундук.

⁶ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике... С. 19.

день на бесконечные вопросы внука находит мудрые ответы в виде легенд и преданий. На вопрос, почему муравей выглядит «как переломленный», бабушка отвечает: в этом сила муравья, чтобы жить в трех мирах. Так Ангыр получает мифологические сведения об устройстве мироздания (верхнем, среднем и нижнем мирах). Юный «философ» уходит в недоумении, продолжая рассуждать с самим собой: почему муравей, а не человек? От бабушки он узнает о трех стихиях: Буре, Огне и Воде. Вопросы Ангыра, его реакция на ответы вызывают у взрослых полушутливое-полусерьезное предположение: «Может, из него шаман получится?»¹ Обратим внимание, что у Ангыра есть отец и мать, но им недосуг «философствовать» со светлым мальчиком — это делает бабушка. Светлым его называли по цвету волос («Волосы у меня были очень светлые, гораздо светлее, чем у других...»²), светлым он представлен в повествовании (оно ведется от первого лица) — в значении думающий, интересующийся всем на свете. Обиженный маминым отказом ответить на вопрос — как трава растет — и ее упреком в безделье, Ангыр бежит к бабушке: «Старенькая мама, расскажи...»

Став взрослым, Ангыр повторяет раз за разом, что говорила его бабушка: «Руки шевелятся, живот сыт. Трудясь, друзей обретешь»³, — это стало жизненным кредо Ангыра.

Бабушка, о которой идет речь, была матерью мамы Ангыра. Когда, будучи молодой женщиной, умирает мама Ангыра — отец не воспитывает его (он вскоре женится), мальчик идет в батраки сначала к родственникам, потом к чужим людям. Всегда, когда есть возможность отлучиться от тяжелой работы, он бежит домой, а дом его там, где бабушка. Взрослея и добиваясь успехов, Ангыр думает, как он расскажет о них бабушке, не отцу (отец практически уходит из повествования):

«Не помня себя, примчался я к бабушке с неожиданным известием.

— Отгадай, старенькая мама, куда я поеду? На праздник в Кыргыстарское хуре! На самом Аскамчи-Бора седоком буду!..»⁴

Однажды вместе, сдерживая слезы, они вспоминают: Ангыр свою мать, бабушка — свою дочь. Ангыр рассказывает о маме, пришедшей к нему во сне, бабушка — про кукушку, навевшую тоску по умершей, — так совпадают и в чувствах бабушка и внук. Упоминание кукушки, благодаря вопросам Ангыра, продолжено целым орнитологическим фрагментом: выпь, сова, дикий голубь, чилдабай, «то-кпак-чаяк» размером с куропатку — бабушка была для Ангыра «энциклопедией». «Почему», «когда», «как» — этими вопросами Ангыр засыпает бабушку, переходя от птиц к телятам, маралам, жеребяткам.

О том, что бабушка стала единомышленником повзрослевшего Ангыра, вступившего в борьбу с социальным произволом, говорит фрагмент повести, в котором Ангыру снится сон, он рассказывает о нем бабушке:

мы «с храбрецами прибежали к Черному утесу, а чиновники за нами. Мы сталкивали на них большие камни, раздавили им головы, но они не умирали, все равно преследовали нас. И так близко были, что я даже оборачивался и швырял им в лицо песок. И вдруг один чиновник споткнулся и упал вниз со скалы. Тут я от радости проснулся, бабушка! — Ну хоть одного во сне прикончил! — проворчала бабушка и повторила: — Не смей ходить туда!»⁵

В 2008 г. появляется еще одно исследование прозы С. Сарыг-Оола — диссертация Т. Х. Очур⁶, где уделено внимание и повести об Ангыре. Так, анализируя образ бабушки, Т. Х. Очур называет ее по имени и даже раскрывает семантику имени — Чинзелиг-Кадай. К сожалению, в русском переводе бабушка Ангыра безымянна. Очур пишет:

«В одной из глав произведения автор называет полное имя своей героини — Чинзелиг, это говорящее имя, оно обозначает символическое украшение верхушки шапки у ноенов, указывающее на его статус. Хотя бабушка Чинзелиг-Кадай не относится по своему социальному положению к высшим слоям общества, автор хочет подчеркнуть именем героини высоту ее помыслов, способность управлять другими людьми»⁷.

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 96–98.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Очур Т. Х. Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008.

⁷ Там же. С. 16.

Исследователь называет бабушку Ангыра его другом, нравственным путеводителем и символическим образом народа, во всяком случае, в отношении к детям так и есть, что соответствует наблюдениям исследователей (см.: Ламажаа, 2021).

Итак, для поэтики рассмотренного образа свойственна идеализация бабушки Ангыра: она — источник мудрости, знаний о жизни, природе; она знает, на чьей стороне справедливость; воплощает в себе один из главных экзистенциальных концептов в картине мира Ангыра — дом; она для Ангыра не только «энциклопедия», бабушка — авторитет, она умеет отвести беду — владеет средствами и приемами: зола, песок, обрядовая амуниция — все эти бытовые и в то же время нагруженные сакральным смыслом детали в бэкграунде бабушки участвуют в создании образа. Бабушка не играет, не притворяется, как порой водится в общении с детьми, она серьезно воспринимает все страхи и горести внука и отводит от него беду. Читатель воспринимает бабушку Ангыра как интеллектуальный портрет народного духа. Бабушка не только отличается знаниями, у нее есть сердце: она тоскует по ушедшей дочери, плачет вместе с внуком. Сутью этого идеального образа можно считать имя бабушки из оригинального тувинского текста — *Чинзелиг* 'вершина'.

Невысказанное завещание

В повести татарского писателя А. Еники¹ «Невысказанное завещание» (1965) акцентируется роль бабушки как хранительницы векового опыта башкирского рода, его нравственных заветов. В своей роли матери Акэби противопоставлена — в регистре памяти — своим детям, которые забыли обычаи и традиции предков. Акэби в роли бабушки исполняет амплу спасительницы рода: она возвращает молодое поколение на путь связи с языком, культурой, башкирскими традициями.

Интенция жизни героини превратила ее реальное имя Акбикэ 'белая дева' в Акэби 'белая/чистая бабушка', тем самым подчеркнув значимость ее родовой миссии: вернуть в национальное лоно заблудшее в беспомощности поколение внуков.

Акэби не может высказать свое завещание внукам, чтобы они любили родной язык и свои корни, не может, потому что они говорят на разных языках. Она просит похоронить ее по мусульманскому обычаю, а дети отмахиваются и не слушают ее. Центральное сюжетное событие повести — болезнь и смерть Акэби — становится испытанием для всех, знаменуя мучительный разрыв связи матери и детей. Духовно близки бабушке лишь внук Геннадий и внучка Гузель: их образы лишены в повествовании окончательного «приговора»; есть надежда, что они осознают то послание, которое хотела донести до них бабушка — о родовой памяти. Однажды Акэби, угощая внука,

«начала было: “У нас, башкир...” — но Геннадий, по-своему поняв бабушку, вдруг заявил, тыча себя в грудь большим пальцем:

— Я тоже башкир, бабушка, башкир я! — да еще подморгнул ей, не волнуясь, мол, все в порядке.

Акэби задумчиво поглядела на внука, вздохнула про себя, потом с тихой лаской улыбнулась ему: что ни говори, в этом рыжем парне и в самом деле текла ее кровь, башкирская кровь!»²

В образах внуков заложена надежда на возрождение родового этоса башкирского народа. Акэби умирает, не сумев произнести свое завещание (дети не хотят ее слушать и обрывают на полуслове, а внуки просто не понимают родного языка), но с надеждой на продолжение семейной и родовой традиции во внуках, которая символизирована в двух старинных предметах — камче деда, переданной внуку Геннадию, и украшении (две большие серебряные чулпы³ с красным яхонтом), которое взяла на память дочь, мать внучки Гузель. Возможно, оно перейдет, как того хотела бабушка, Гузели по наследству от матери и свяжет ее с родовым сознанием. Все остальное «наследство», бережно хранимое бабушкой и завещанное детям, будет растрчено и передано в театр — так А. Еники показывает десакрализацию родовой памяти башкир.

Однако забвение истории своего рода возможно преодолеть, о чем пишет исследовательница повести Еники В. Р. Аминева: «Внутренняя речь Акэби в завещании <...> восходит к древнейшим

¹ Амирхан Еники — псевдоним татарского писателя Амирхана Нигметзяновича Еникеева (1909–2000).

² Еники А. Невысказанное завещание. Рассказы, повести. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017. С. 93.

³ Чулпа — традиционное женское татарское украшение, которое вплетали в косы.

пластам национального культурно-исторического миропонимания. Национальная философия бытия и драматический опыт взаимоотношения поколений в пределах одной семьи, оказавшейся перед угрозой выпадения из цепи родовой преемственности, раскрываются и через многосубъектную организацию повествования, вбирающего в себя голоса не только повествователя и героини, но и собирательной народной общности» (Аминева, 2016: 14).

В повести Еники акцентируется физическая немощь бабушки, но при этом показывается сила ее духовного начала, концентрируемая на идее невозможности прервать родовую традицию. Семантика заглавия повести «Невысказанное завещание» двойственная: с одной стороны, говорит о тщетном желании бабушки Акэби сохранить традиции рода и основы семьи, с другой — несет не только авторскую надежду, но и метатекстуальную: не может просто так раствориться жизнестроительная энергия, которую продуцировала бабушка.

Да, бабушка Акэби воплощена в образ хранительницы родовой памяти, языка и нравственных традиций, которая оказывается не услышанной собственными детьми и внуками. Что значит «хранительница»? Она хранит в сундуке национальные украшения, одежду, предметы быта, которые хочет передать по наследству как символ связи поколений.

Ее образ также раскрывается через черты характера: Акэби добрая, мягкая, сердечная, ее жизнь целиком обращена к детям и внукам; смысл ее старости — ждать их, заботиться о них, думать о том, что им оставить. В то же время это внутренняя стойкость и достоинство: она сознательно отказывается уезжать из родного дома в город, не желая рвать связь с землей предков и привычным укладом. Ее отличает глубокая самоотверженность: она не обижается на детей, оправдывает их, надеется на их «прозрение», даже когда чувствует себя лишней и непонятой.

Внутренний монолог Акэби, состоящий из ее мыслей и воспоминаний, показывает, что она ощущает себя связующим звеном между детьми и «землей отцов», старинными обрядами, народными сказаниями. Важно отметить, что любовь Акэби к детям и внукам жертвенна и безусловна: даже чувствуя их отчуждение, она продолжает верить, что они «продолжение ее жизни» и обязаны сохранить то, что она им передаст. Особо подчеркнута ее трепетная любовь к внуку Геннадию: в ее воображении он — будущий носитель родовой памяти, однако реальность (его выбор нагайки как «красивой вещи») показывает, что он воспринимает наследство поверхностно.

Неуслышанное завещание матери становится нравственным укором детям: не исполнив ее духовный наказ, они как бы обрывают цепь родовой преемственности. В этом трагизм ее образа. Трагедия бабушки не в материальной бедности, а в духовном одиночестве: ее хотят «выходить», накормить, обеспечить комфортом, но не готовы выслушать ее завещание и разделить ее ценности. Невысказанное завещание поднимает образ Акэби до символа всего старшего поколения, которое уносит с собой нераскрытое богатство национальной памяти и веры.

Имя Акэби (от тюркского *ак/ок* 'белый') подчеркивает ее духовную чистоту, светлую душу, нравственную безупречность; в тексте это прямо проговаривается персонажем-поэтом. Через образ бабушки писатель показывает, как утрата языка, традиций, памяти о предках разрушает внутренний мир человека и семьи, лишает людей опоры. Акэби становится не только частным персонажем, но и художественным образом «матери народа» — тихой, терпеливой, нравственно высокой, но не услышанной современным поколением.

Поэтика образа Акэби задана заглавием повести, образ строится на антитетичной семантике: вектор развития образа находится в антагонизме с намерениями молодого поколения. Сакрализация бабушкой старинных вещей рода оборачивается у внуков профанированием в отношении к этим вещам: они отданы посторонним людям. Акэби собирала «наследство» — молодое поколение его растратило.

Материнское поле

Произведения киргизского писателя Чингиза Айтматова, в перечне художественных текстов которого есть написанные как на родном языке, так и на русском, в современном литературоведении часто причисляют к литературе *транскультурной*: «Литература, созданная этнически нерусскими авторами на русском языке, бесспорно, транслингвальна и шире — транскультурна. Латинский префикс “транс” вбирает такие смысловые компоненты, как “за”, “по ту сторону”, “на той стороне”,

“через”, “на другую сторону» (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021: 270). Писатель посылает художественное сообщение о своем народе, своей культуре другому народу¹: в случае с Айтматовым картина мира киргизов «переводится» на русский язык.

В его повести «Материнское поле» (1964) Толгонай изображена как *матриарх*, на ней держится дом, она в вечных трудах и хлопотах, носительница предания и нормы, т. е. хранительница.

Нарративная стратегия в повести структурирована на основе диалога между Толгонай и полем, символизирующим природу. Толгонай исповедуется полю, просит дать ей сил. Рассказ Толгонай о былом счастье ее семьи, рождении сыновей сменяется повествованием о тяготах войны, борьбе за жизнь, голоде, когда Толгонай была одна в ответе за свой аил (деревню), о горе утраты мужа и трех сыновей, о своей невестке Алиман, которая мужественно, вместе с Толгонай, проживала их общее несчастье. О том, как Алиман, спустя семь лет после потери мужа, думала, что жизнь не окончена и что она может найти свое счастье. Попытка оказалась неудачной, забеременев, Алиман осталась обманутой, при родах она умерла. «В одно мгновение на глазах у меня столкнулись жизнь и смерть!»², — говорит полю Толгонай.

Отныне *мать* Толгонай становится *чоң энеме* ‘старенькой мамой’, ‘старшей мамой’: «А ведь жизнь не совсем погибла, остался росточек»³. Однажды «росточек» заболел; попав в больницу вместе с внуком, и сама Толгонай чуть не распрощалась с жизнью. На вопрос доктора «Где родители ребенка», она отвечает: «Я ему и отец и мать, сынок. Не дай ему помереть. Если помрет, жить не буду»⁴. И он выжил, не случайно автор повести дает имя ребенку — Жанболот, т. е. жизнь из стали.

В образе Толгонай акцентирован мотив материнства: она, будучи бабушкой, становится матерью для внука, который по родству таковым не является. В заботе о внуке она символизирует «земную мать», мать-природу и мать-родину. Образ Толгонай обретает свою законченность именно в призматических субъектных отношениях «бабушка — внук». Бабушка замещает «пустующее место» матери. Она обещает полю, что пока жива, никогда не забудет свою семью, а когда мальчик Жанболот подрастет, расскажет ему историю семьи. Для Толгонай важно сохранение памяти. Она надеется, что мальчик ее поймет. Толгонай становится матерью не только Жанболоту, но и всему аилу, выжившему во время войны благодаря ее воле и труду.

К ее миссии «хранительница рода» и «матриарх» добавляется еще одна — «дарительница жизни», ибо не выжил бы внук без Толгонай. Забота о ребенке делает ее старость не просто временем скорби, а временем служения: она трудится, бережет внука, буквально вырывает у смерти (эпизод, когда несет мальчика по льду к врачу). В ее отношении к Жанболоту совмещаются материнская нежность и суровая ответственность: она хочет не только вырастить, но и передать ему память о погибших и нравственные ориентиры. В своих сомнениях, примет ли внук ее правду, сможет ли осознавать себя как часть ее рода, узнав, что он не кровный, она обращается к полю, равному матери-природе:

«Чтобы он правильно рассудил то, что было, чтобы он правильно понял жизнь, я должна рассказать ему не только о нем самом, не только о его судьбе, но и о многих других людях и судьбах, и о себе, и о времени своем, и о тебе, мое поле, о всей нашей жизни и даже о велосипеде, на котором он катается, ездит в школу и ничего не подозревает»⁵.

(Не подозревает, что велосипед, который Жанболот считает отцовским, то есть Касыма, старшего сына Толгонай: велосипед был вручен Касыму как «премия от МТС»⁶, — по сути, не отцовский.)

Мать Толгонай потеряла всех своих детей на войне, *бабушка* Толгонай восстанавливает уничтоженный войной род через хранимого ею, принятого вопреки устоям чужого ребенка, что свидетельствует о наличии мессианских черт в образе бабушки. Опять же вопреки устоям, она идет хоронить свою невестку Алиман:

¹ См: Гарипова Г. Т., Шафранская Э. Ф., Кешфидинов Ш. Р. Транскультурная литература XXI века: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2024. С. 12.

² Айтматов Ч. Т. Материнское поле // Айтматов Ч. Повести. М.: Правда, 1979. С. 209.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Там же. С. 135.

«По обычаю, женщине не положено идти на кладбище, но я пошла, и никто ничего не сказал мне: в доме у меня не было мужчин, чтобы я могла соблюсти обычай. Я сама схоронила Алимана, сама уложила ее на дно могилы и сама бросила первую горсть земли»¹.

В поэтику образа Толгонай, всеобщей бабушки, включены антропоморфные и анимистические концепты архаической культуры. Толгонай живет в постоянном диалоге с полем: исповедуется ему, делится с ним своими горестями и радостями, просит у него совета. Поле — это символ природы, и сама Толгонай становится ее частью, потому что ее общение с полем — главная экзистенциальная составляющая ее образа.

Хор мальчиков

Рассмотренные выше образы бабушек можно номинировать как *тувинская бабушка*, *башкирская бабушка*, *киргизская бабушка*. Не все так прямолинейно с повестью «Хор мальчиков» Тимура Пулатова, которого в литературном процессе второй половины XX в. называют русскоязычным узбекским писателем, в связи с чем вроде бы на поверхности, что в его творчестве образ *узбекской бабушки*. Здесь важны контекстуальные и внетекстуальные детали.

Действие повести происходит в Бухаре. По советским лекалам внутренних границ город был «отписан» Узбекской ССР, хотя в этническом составе Бухары преобладали таджики (отсюда ряд этнокультурных и этносоциальных противоречий, сопровождавших историю XX в.), ныне Бухара также в составе Республики Узбекистан. Эти исторически мотивированные противоречия подспудно присутствуют и в повести: отец главного героя, мальчика Душана, — узбек, его бабушка со стороны матери — таджичка. На протяжении почти всего повествования она выражает свое недовольство зятем: считает его выходцем из простонародья (себя, соответственно, из местной аристократии), недостойным его дочери, постоянно противоречит зятю, спорит с ним, хулит его. Это недовольство бабушки отражено в картине мира Душана: он вынужден всячески доказывать ксенофобному подростковому окружению, что он настоящий узбек. Поэтому бабушка Душана, с одной стороны, как бы выпадает из типологического тюркоязычного ряда нашей статьи, с другой стороны, наоборот, подчеркивает множество проявлений бухарской ментальности, находящейся на стыке двух культур.

Повесть «Хор мальчиков» (1980) — первая часть трилогии «Страсти бухарского дома». Мы рассматриваем ее отдельно от всего романа по двум причинам: во-первых, она появилась первоначально как самостоятельное произведение; во-вторых, бабушка Душана присутствует и умирает в первой части.

В повести показано детство Душана, начиная с первых дней его существования — редкий литературный прецедент. Окружающий мир предстает глазами младенца, лежащего в люльке. Образ бабушки Душана — это образ духовной наставницы и хранительницы традиции, через которую Душан получает чувство избранности, опору и «карту» мира.

Именно бабушка первая «считывает» необычность внука, называет его благородным, нежным, противопоставляет отцу и прямо связывает его появление с мотивом вины и святости: «из вины рождается святость». Ее слова задают Душану особый статус: он не просто «странный ребенок», а человек с особыми внутренним зрением, внук — продолжатель истории рода и духовного опыта.

Благодаря образу бабушки показано, что бессознательные сны и видения Душана («он летает над скалой, пустыней»², видит историю рода) неслучайны: они «подключены» к опыту прадеда-кочевника и всего рода. Бабушка как бы подтверждает и поддерживает это соединение времен: ее рассказы, легенды, притчи срастаются с детскими сновидениями Душана, и весь родовый опыт входит в сознание ребенка.

Бабушка — «пара» и опора одинокого ребенка. Душан ощущает себя «особенным» настолько, что ищет себе пару — и находит ее именно в бабушке: она единственная, кто его по-настоящему понимает. Ее случайная фраза о смерти («меня унесет смерч»³) показывает небрежную попытку уберечь

¹ Там же. С. 210.

² Пулатов Т. И. Хор мальчиков // Пулатов Т. И. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Современный писатель, 1996. Т. 2. С. 6.

³ Там же. С. 65.

ребенка от страшных подробностей, но для Душана это становится реальной угрозой, с которой он борется — он караулит смерч и закидывает его глиняными шариками.

Его вопрос: «А что человек чувствует, когда умирает, бабушка?»¹ подчеркивает, что именно к ней он обращается с предельными, экзистенциальными вопросами — она для него посредник между жизнью и смертью.

Мир бабушки описан как «странный и чарующий»², и именно он оказывается миром, соразмерным внутреннему миру мальчика; бабушка комментирует его поступки, отвечает на вопросы, рассказывает легенды, предания и притчи из Корана. «Набожный мусульманин не воспринимает их как бремя и невыносимое ограничение своей свободы. Напротив, он горд тем, что знает и соблюдает то, что предписал пророк...» (Андре, 2003: 68) — так, любимая книга в кожаном переплете, которую бабушка торжественно приносит и читает, становится для Душана сакральным источником сюжетов и смыслов; ритуальность чтения усиливает значимость услышанного.

История Юсуфа Прекрасного и сидельца, погибшего от птиц за неуважение к хлебу, превращается в конкретное нравственное правило: бабушка требует целовать уроненный хлеб и просить у него прощения, связывая бытовой поступок с космическим возмездием.

Бабушка задает Душану систему пищевых табу: нельзя смешивать «то, что ходит, с тем, что плавает, с тем, что летает»³, потому что это соотносено с трехчастным строением мироздания (небо — птицы, средний мир — копытные и человек, нижний мир — рыбы, змеи, хтонические существа). Репликой о съеденном мозге овцы она намекает на веру в переход качеств животного к человеку. Д. Фрэзер объясняет подобные ситуации переходом характера съеденного животного на человека, причем вера в подобное действо существовала как в древности, так и в XX в. — аргументированно заявляет этнограф (Фрэзер, 1986: 467). Так, бабушка вписывает мальчика в архаическую систему верований (где еда формирует характер), превращает повседневные действия ребенка в этически и космологически значимые поступки: Душан учится воспринимать мир не как «обыденный», а как насыщенный знаками и запретами.

Бабушка Душана ведет себя как проводник и защитница. Она стремится обезопасить Душана от злых сил: развешивает в комнате пучок сухого бессмертника исырыка, кстати, так же, как и тувинская бабушка, окуливающая Ангыра артышом — можжевельником⁴. Таким образом подчеркивается роль бабушки как медиатора между ребенком и невидимым миром духов, злых сил, судьбы: она знает, «как надо» обезопасить, и тихо применяет эти знания.

Память о бабушке продолжается в Душане. После смерти бабушки семилетний Душан чувствует, что она «унесла часть его молодости»⁵, но он «терпеливо и достойно будет носить в себе ее старость»⁶ — формула, которая делает его носителем ее мудрости и опыта. В интернате, в новой социальной среде, он все время опирается на ее заветы: защищая свое «странное» имя, он объясняет его так, как учила бабушка (родился в понедельник⁷; имя — знак договоренности с судьбой). Образ бабушки таким образом продолжается в его речи, поведении, самоощущении: она уже умерла, но ее присутствие в нем становится внутренним голосом и нравственной опорой. Память о хоре, песне, плоских крышах и сентябрьских вечерах, — с надеждой Душана когда-нибудь «влиться в хор», соединяется с бабушкиными рассказами: она становится одним из главных «каналов», через которые традиция и религиозно-ритуальное время входят в его личную биографию.

Посредством образа бабушки показано, что духовная и культурная идентичность ребенка формируется прежде всего в связи «внук — бабушка», где бабушка становится живым носителем религии, мифа, этики и памяти.

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 16.

⁴ Об артыше, его функции в обрядовой жизни тувинцев см.: Москаленко, 2018: 132.

⁵ Пулатов Т. И. Хор мальчиков ... С. 100.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Имя Душан от *душанба* 'понедельник' на узб. яз. (на ряде тюркских языков: на казах. — *дүйсенбі*, на киргиз. — *дүйшөмбү*, на татар. — *дүшәмбе*, на башкир. — *дүшәмбе*, на туркмен. — *duşenbe*, на уйгур. — *дүшәнбә* и др.; а также на таджикском языке — *душанбе*).

Поэтика образа бабушки из повести «Хор мальчиков» строится зеркально: все черты портрета и характера Душана, ее внука, — отражение экзистенциальных свойств его бабушки. Бабушка говорит об избранности внука — Душан везде и со всеми *другой*, ни на кого не похожий. В суждениях и поведении бабушки присутствует этническая иерархия (таджики превосходят узбеков) — Душан, усвоивший эту бабушкину «шкалу», взрослея, понимает, что она отторгается обществом, и поэтому всячески мимикрирует под узбека. Душан приходит к выводу, что бабушка — его пара, возможность ухода бабушки из жизни становится его травматическим переживанием. Как для Ангыра («Повесть о светлом мальчике») бабушка — источник знаний о мире и взаимоотношений с ним, так и для Душана: его бабушка регламентирует его поступки (не роняй хлеб, не ешь недозволенную пищу), прививает Душану коранические ценности, знакомя его с персонажами и сюжетами из Корана, которые в отдельные периоды его детства и юности задают модель поведения (например, Юсуф Прекрасный). По смерти бабушки она остается частью картины мира Душана — в виде наказов, заветов, превращая его в «маленького имама»¹ — со смертью бабушки уходит его молодость, бабушка воплощается в Душане.

Архетип бабушки в общемировой и тюркской традициях

Во всех рассмотренных произведениях присутствует оптика смерти: у Ангыра умирает мать («Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола); Акэби показана в моменты физической немощи, медленного мучительного умирания от болезни («Невысказанное завещание» А. Еники); Толганай, пережив смерти своих детей, сохраняет внутреннюю силу («Материнское поле» Ч. Айтматова); грядущая смерть бабушки Душана, прожившей свой век, рождает у него экзистенциальное беспокойство — без бабушки, своей пары, он не мыслит существования («Хор мальчиков» Т. Пулатова). По поводу смерти в литературном произведении Ю. М. Лотман написал статью «Смерть как проблема сюжета» (Лотман, 1994), суть которой состоит в том, что только смерть дает основание говорить о смысле жизни персонажа. Этот смысл в мифологически ориентированных сюжетах порождает идею цикличности, из которой вытекает мотив смерти-возрождения — в нашем случае это возрождение умершей бабушки во внуке.

Бабушка Ангыра становится единственным близким для него человеком, его семья — это бабушка. Акэби на пороге смерти пытается успеть восстановить через внуков целостность рода. Толганай напрямую берет на себя заместительную материнскую роль дарительницы жизни. Бабушка Душана — ее мировоззрение, ее ценности, ее картина мира — трансформируется в своего внука — так ощущает сам Душан.

В отличие от образа «злой старухи», по Проппу, связанной с миром смерти, рассмотренные образы бабушек противостоят духовной смерти и эсхатологии рода. Три ключевые коннотации художественного образа бабушки — спасительница, хранительница, мессия — дополняют ключевые значения юнгианского архетипа «старуха» и соотносятся с древнетюркскими и мусульманскими значениями «хранительница очага».

Миссия бабушек из упомянутых художественных текстов — быть проводником внуков в неведомый им мир; архетип образов бабушек соответствует медиатору обряда посвящения (инициации), в архаике эту роль выполняла старая женщина. Связь бабушки с внуками определяется не только по линии земного существования, но и через пространство коллективного бессознательного. Не случайно в сюжеты о бабушке встраивается танатологический мотив — смерть в той или иной проявленности. Мортальный порог определяет эту связь на границах земной и вечной жизни. Бабушка одновременно семантизирует проявления архетипических модификаций «земной матери» и «небесной матери».

В образе бабушки, согласно теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга, проявляются амбивалентные константы архетипов с семантикой женского начала: например, Великой Матери и ее ипостаси — Старухи (Ведьмы, Мудрой Старицы). Так, образ бабушки, как носитель архетипического женского начала, семантизирует одновременно положительную функцию целительства, проводника между мирами и негативную функцию стагнации и близости к смерти (см. подробнее: Юнг,

¹ Пулатов Т. И. Хор мальчиков... С. 58.

1991: 116–121; 1997: 150, 311, 317, 371). Одним из негативных проявлений архетипа «старуха» выступает ее бесплодность: с одной стороны, старуха не способна что-либо создать, с другой — воплощает опыт, сохраняет традиции и передает их. Она близка к смерти, а значит одной ногой стоит по ту сторону реальности, умеет обращаться с иным миром.

Негативные и положительные значения пересекаются на уровне концепта «мудрость». Старуха в любом своем проявлении может стать духовным учителем. Однако именно бабушка, а не просто любя «старуха», реализует идею передачи духовного опыта рода, семьи, то есть становится воплощением экзистенциальной памяти.

В литературе, имеющей тюркоязычные корни, кроме универсальных значений, восходящих к юнгианскому архетипу матери, образ бабушки, чаще всего, наделяется смыслами, детерминированными национальной традицией: воплощение идеи единства и благополучия рода. В связи с этим часто в структуре онима *бабушка* у разных тюркских народов присутствуют значения, дополняющие и коррелирующие родовую семантику материнства — большая мать, старшая мать, отмеченные нами выше.

В древней тюркской традиции бабушка и мать являются национальными символами сохранения самосознания народа, его продолжения, будущего, мирной и гармоничной жизни. Основные национальные лексико-семантические коннотации женского архетипического образа в рассмотренных нами традициях соотносятся с общекультурными значениями архетипа Великой матери, объединяющего в себе светлое и темное, творящее и разрушающее. Значения «хранительница», «спасительница», «дарительница жизни» соотносятся с основными сакральными смыслами и в общетюркской мифологии. Мать, в отличие от юнгианских значений архетипического образа отца, редко связана в тюркской традиции с коннотациями Верхнего мира, чаще всего именно со срединной частью мифологической картины мира — землей, как основой жизненного почвенного мира человеческого рода. Сакрализация женских образов у тюрков детерминирована семантикой «материнского лона», в рамках которого создается бытийный миропорядок и гармония духа и тела. По мнению Д. Ф. Загидуллиной, следование мировым литературным тенденциям сопровождается одновременной акцентацией на общетюркских традициях, организующих движение национального литературного процесса на основе «сохранности и трансформации отдельных мотивов» (Загидуллина, 2022: 189), соотносимых с древнетюркскими памятниками культуры.

Заключение

Ставшие хрестоматийными слова С. С. Аверинцева о том, что филология — это служба понимания другого человека, другой культуры, другой эпохи, иллюстрируют подход в нашей аналитике образа бабушки. Без анализа поэтики, считает Н. Д. Тамарченко, «„служба понимания“ едва ли осуществима. Каждое понятие необходимо для того, чтобы выделить определенную форму, сравнить различные тексты, в которых она присутствует, и определить ее *инвариантное* значение» (Тамарченко, 2008: 183).

В образах бабушек персонажей Ангыра («Повесть о светлом мальчике») и Душана («Хор мальчиков») сконцентрирована аксиология тюркского мира, правила поведения, трансляция модели существования, спрессованная веками народная мудрость. Образы бабушек Акэби («Невысказанное завещание») и Толгонай («Материнское поле») символизируют «почву», связь земли и рода. Оптика анализа в статье направлена на индивидуально-авторские приемы поэтики — в создании образов бабушек, в итоге сводимых к универсальному значению. Так, в литературе, имеющей тюркоязычные корни, кроме универсальных значений, восходящих к юнгианскому архетипу матери, образ бабушки наделяется смыслами, детерминированными национальной традицией: воплощение идеи единства и благополучия народа, рода, страны. Бабушка определяется как носитель «телесной» родовой памяти. Выявлены универсальные смыслы и этнокультурные различия образов бабушки, созданных писателями, чье творчество питается разными и в то же время похожими картинами мира.

Таким образом, поставленная цель — выявить функциональную роль образа бабушки в формировании картины мира ребенка у ряда тюркоязычных народов, найти общее и отличное, достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аль Хатиб, Л. Б. (2017) Концепты «дедушка/бабушка» в разных лингвокультурах // Успехи современной науки и образования. Т. 3. № 4. С. 163–165.
- Аминева, В. Р. (2016) Повествователь и герой в повести А. Еники «Невысказанное завещание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (61). Ч. 1. С. 12–14.
- Андре, Т. (2003) Исламские мистики / пер. с нем. В. Г. Ноткиной. СПб. : Евразия. 240 с.
- Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6 (2). С. 263–272. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
- Бахтин, М. М. (1979) Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М. : Искусство. 423 с. С. 7–180.
- Бахтин, М. М. (2000) Проблема речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / сост. и авт. вступ. ст. С. Г. Бочаров. СПб. : Азбука. 332 с. С. 249–299.
- Биркхойзер-Оэри, С. (2010) Мать: архетипический образ в волшебной сказке / пер. с англ.; под ред. М.-Л. фон Франц. М. : Когито-Центр. 254 с.
- Воробец, Т. А., Лобкова, Е. В. (2025) Репрезентация образов бабушек и дедушек в современной русской литературе (на материале сборника «Удивительные истории о бабушках и дедушках») // Семья — ближайшее и самое дорогое для нас отечество: сб. материалов IV Круглого стола / отв. ред. Е. В. Лобкова. Омск : Сибирский гос. автомобильно-дорожный ун-т (СибАДИ). 234 с. С. 65–68.
- Гапонова, Ж. К., Никкарева, Е. В. (2022) Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. Т. 27. № 4. С. 141–153.
- Гинзбург, Л. Я. (1979) О литературном герое. Л. : Советский писатель. 223 с.
- Гинзбург, Л. Я. (1999) О психологической прозе. М. : Интрада. 415 с.
- Загидуллина, Д. Ф. (2022) Художественные приемы и стиливые обновления в татарской литературе (в контексте тюркских литератур XX–XXI вв.). Казань : Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. 252 с.
- Корман, Б. О. (1981) Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвузовский сб. / отв. ред. Л. А. Финк. Куйбышев : Куйбышевский гос. ун-т. 160 с. С. 39–54.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Лотман, Ю. М. (1970) Структура художественного текста. М. : Искусство. 384 с.
- Лотман, Ю. М. (1994) Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. М. : Гнозис. 560 с. С. 417–430.
- Макрушина, Ю. А. (2016) Архетипический образ бабушки в повествовании в рассказах «Последний поклон» В. П. Астафьева // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов междунар. студен. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова. 396 с. С. 44–47.
- Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
- Москаленко, Н. П. (2018) Природа обоняния — ключ восприятия окружающего мира в тувинской культуре // Кунсткамера. № 2. С. 127–134.
- «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...» (2020): семейный дискурс русской и мировой литературы / под науч. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ. 271 с.
- Побережная, Ю. В., Тихонова, Н. В. (2024) Современная проза о бабушках и дедушках на уроках литературы в школе // Кубанская школа. № 4 (76). С. 113–119.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.
- Пропп, В. Я. (2000) Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт. 336 с.
- Савкина, И. Л. (2011) «У нас никогда уже не будет этих бабушек»? // Вопросы литературы. № 2. С. 109–135.
- Саломатина, Г. В. (2016) Образ бабушки в русской литературе М. Горький. «Детство», В. П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет», «Конь с розовой гривой» // Литература в школе. № 8. С. 35–36.

Сергеева, О. В., Ткаченко, А. А. (2022) Образ бабушки в современной прозе для детей и подростков на уроках литературы // Литература в школе. № 1. С. 105–115. DOI: <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-105-115>

Тюпа, В. И. (2021) Горизонты исторической нарратологии. СПб. : Алетейя, 270 с.

Фрэзер, Д. Д. (1985) Фольклор в Ветхом завете / пер. с англ. Д. Вольпина. М. : Политиздат. 511 с.

Фрэзер, Д. Д. (1986) Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М. : Политиздат. 703 с.

Хадаханэ, М. А. (1968) Тувинская проза. Кызыл : Тувкнигоиздат. 131 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Шевчугова, Е. И. (2018) Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация // Сибирский филологический форум. № 4 (4). С. 31–36.

Шмид, В. (2008) Нарратология. М. : Языки славянской культуры. 302 с.

Эпштейн, М., Юкина, Е. (1981) Мир и человек // Новый мир. № 4. С. 236–240.

Юнг, К. Г. (1991) Архетип и символ / предисл. А. М. Руткевича; примеч. В. М. Бакусева и др. М. : Ренессанс. 297 с.

Юнг К. Г. (1997) Душа и миф: Шесть архетипов. М. : Совершенство; Киев : Порт-Рояль. 382 с.

Дата поступления: 06.01.2026 г.

Дата принятия: 12.03.2026 г.

REFERENCES

Al Khatib, L. B. (2017) The concepts “grandfather/grandmother” in different linguocultures. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, vol. 3, no. 4, pp. 163–165. (In Russ.)

Amineva, V. R. (2016) The narrator and the character in A. Eniki’s novella “The Unspoken Will”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7(61), part 1, pp. 12–14. (In Russ.)

Andre, T. (2003) *Islamic mystics*. Transl. from German by V. G. Notkina. St Petersburg, Evraziya. 240 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) On the “Agora” today: Approaches to the study of translingual literature. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6(2), pp. 263–272. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

Bakhtin, M. M. (1979) Author and hero in aesthetic activity. In: *Aesthetics of verbal art*. Notes by S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo. 423 p. Pp. 7–180. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (2000) The problem of speech genres. In: *Author and hero: Toward the philosophical foundations of the humanities*. Comp. and introd. by S. G. Bocharov. St Petersburg, Azbuka. 332 p. Pp. 249–299. (In Russ.)

Birkhäuser-Oeri, S. (2010) *The mother: Archetypal image in fairy tales*. Transl. from English; ed. by Marie-Louise von Franz. Moscow, Kogito-Tsentr. 254 p. (In Russ.)

Vorobets, T. A. and Lobkova, E. V. (2025) Representation of the images of grandmothers and grandfathers in contemporary Russian literature (based on the collection “Amazing stories about grandmothers and grandfathers”). In: *The family is our nearest and dearest homeland: Proceedings of the 4th Round Table*. Ed. by E. V. Lobkova. Omsk, Sibirskii gosudarstvennyi avtomobil’no-dorozhnyi universitet (SibADI). 234 p. Pp. 65–68. (In Russ.)

Gaponova, Zh. K. and Nikkareva, E. V. (2022) Representation of the images of grandmother and grandfather in contemporary children’s literature. *Filologicheskii klass*, vol. 27, no. 4, pp. 141–153. (In Russ.)

Ginzburg, L. Ya. (1979) *On the literary character*. Leningrad, Sovetskii pisatel’. 223 p. (In Russ.)

Ginzburg, L. Ya. (1999) *On psychological prose*. Moscow, Intrada. 415 p. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2022) *Artistic devices and stylistic innovations in Tatar literature (in the context of 20th–21st century Turkic literatures)*. Kazan, Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova. 252 p. (In Russ.)

Korman, B. O. (1981) The integrity of a literary work and an experimental dictionary of literary terms. In: *Problems of the history of criticism and the poetics of realism: Interuniversity collection*. Ed. by L. A. Fink. Kuibyshev, Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet. 160 p. Pp. 39–54. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Children for Tuva people: Changes in attitudes under sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

- Lotman, Yu. M. (1970) *The structure of the artistic text*. Moscow, Iskusstvo. 384 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (1994) Death as a problem of plot. In: *Yu. M. Lotman and the Tartu–Moscow school of semiotics*. Comp. by A. D. Koshelev. Moscow, Gnozis. 560 p. Pp. 417–430. (In Russ.)
- Makrushina, Yu. A. (2016) The archetypal image of the grandmother in the narrative of V. P. Astaf'ev's stories "The last bow". In: *World literature through the eyes of modern youth: Proceedings of the international student research and practice conference*. Ed. by S. V. Rudakova. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Novosova. 396 p. Pp. 44–47. (In Russ.)
- Meletinskii, E. M. (1976) *Poetics of myth*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.)
- Moskalenko, N. P. (2018) The nature of smell as a key to perceiving the surrounding world in Tuva culture. *Kunstkamera*, no. 2, pp. 127–134. (In Russ.)
- "Unexpected, like a flower over the abyss, the family hearth and comfort...": *Family discourse in Russian and world literature* (2020) Ed. by E. M. Boldyreva. Yaroslavl, RIO YaGPU. 271 p. (In Russ.)
- Poberezhnaya, Yu. V. and Tikhonova, N. V. (2024) Contemporary prose about grandmothers and grandfathers in literature lessons at school. *Kubanskaya shkola*, no. 4 (76), pp. 113–119. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of Tuva people*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. (2000) *The historical roots of the fairy tale*. Moscow, Labirint. 336 p. (In Russ.)
- Savkina, I. L. (2011) "We will never again have those grandmothers"? *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 109–135. (In Russ.)
- Salomatina, G. V. (2016) The image of the grandmother in Russian literature: M. Gorky, "Childhood"; V. P. Astaf'ev, "The photograph I am not in", "The horse with the pink mane". *Literatura v shkole*, no. 8, pp. 35–36. (In Russ.)
- Sergeeva, O. V. and Tkachenko, A. A. (2022) The image of the grandmother in contemporary prose for children and adolescents in literature lessons. *Literatura v shkole*, no. 1, pp. 105–115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-105-115>
- Tyupa, V. I. (2021) *Horizons of historical narratology*. St Petersburg, Aleteiya. 270 p. (In Russ.)
- Frazer, J. G. (1985) *Folklore in the Old Testament*. Transl. from English by D. Volpin. Moscow, Politizdat. 511 p. (In Russ.)
- Frazer, J. G. (1986) *The golden bough: A study in magic and religion*. Transl. from English by M. K. Ryklin. Moscow, Politizdat. 703 p. (In Russ.)
- Khadakhane, M. A. (1968) *Tuva prose*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 131 p. (In Russ.)
- Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) The ambivalent myth of Tuva in the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>
- Shevchugova, E. I. (2018) The archetype of the grandmother in the works of I. A. Goncharov, M. Gorky and V. P. Astaf'ev: Tradition and authorial interpretation. *Sibirskii filologicheskii forum*, no. 4 (4), pp. 31–36. (In Russ.)
- Schmid, W. (2008) *Narratology*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 302 p. (In Russ.)
- Epshtein, M. and Yukina, E. (1981) The world and the human being. *Novyi mir*, no. 4, pp. 236–240. (In Russ.)
- Jung, C. G. (1991) *Archetype and symbol*. Foreword by A. M. Rutkevich; notes by V. M. Bakusev et al. Moscow, Renessans. 297 p. (In Russ.)
- Jung, C. G. (1997) *Soul and myth: Six archetypes*. Moscow, Sovershenstvo; Kiev, Port-Royal. 382 p. (In Russ.)

Submission date: 06.01.2026.

Acceptance date: 12.03.2026.